

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 4, Pp. 718–726, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-718-726

Институты публичной власти в политиях маньчжуро-монгольского мира в 1900–1920 гг. (на примере Хулун-Буира)

Базар Догсонович Цыбенков¹, Леонид Владимирович Курас²,
 Виктория Эдуардовна Цыремпилова³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

³ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший преподаватель
 0009-0003-0492-9327. E-mail: vikaliv21@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Цыбенков Б. Д., Курас Л. В., Цыремпилова В. Э., 2023

Аннотация. Авторы впервые анализируют особенности развития института публичной власти в политиях маньчжуро-монгольского мира в первой четверти XX в., взяв в качестве примера геополитически и стратегически важный регион Хулун-Буира. Целью исследования является освещение административного управления Хулун-Буира, внутренних противоречий и раскола в чиновничьей среде, произошедших под влиянием различных политических сил в 1908–1920 гг. Для ее решения были поставлены следующие задачи: 1) изучить структуру маньчжурской восьмизнаменной системы в регионе; 2) исследовать особенности новой политики цинских властей в Хулун-Буире; 3) проанализировать изменения в институте публичной власти в регионе, произошедшие в 1912–1915 гг.; 4) проследить процесс ликвидации автономии Хулун-Буира в 1920 г. **Выводы.** Как показывает наше исследование, иерархическая структура административной власти Хулун-Буира, несмотря на попытки изменить ее разными политическими силами, все же сохраняла к 1920 г. традиционные особенности маньчжурской восьмизнаменной системы. Большую роль в формировании политического курса региональной администрации играли внутренние противоречия между различными этническими группами

Хулун-Буира. Тем не менее, даже входя в состав Внешней Монголии в 1912–1915 гг., власти Хулун-Буира использовали все средства, чтобы сохранить самостоятельность в сферах внешней и внутренней политики, финансов. Кардинальные изменения ситуации в Хулун-Буире и сопредельных территориях в 1917–1919 гг. явились катализатором принятия решения властной верхушкой в пользу ликвидации автономии Хулун-Буира и превращения его в провинциальную окраину Китайской Республики.

Ключевые слова: Цинская империя, Хулун-Буир, администрация, фудутун, восстание, Китайская Республика, автономия, Внешняя Монголия

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» (№ 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>).

Для цитирования: Цыбенков Б. Д., Курас Л. В., Цыремпилова В. Э. Институты публичной власти в политиях маньчжуро-монгольского мира в 1900–1920 гг. (на примере Хулун-Буира) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 718–726. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-718-726

Institutions of Public Government in Manchu-Mongolian Polities, 1900s–1920s: A Case Study of Hulunbuir

Bazar D. Tsybenov¹, Leonid V. Kuras², Victoria E. Tsyrempilova³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv[at]yandex.ru

³ Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Lecturer

 0009-0003-0492-9327. E-mail: vikaliv21[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tsybenov B. D., Kuras L. V., Tsyrempilova V. E., 2023

Abstract. Introduction. The paper attempts an insight into how institutions of public government developed in Manchu-Mongolian polities throughout the 1900s–1920s — and focuses on the geopolitically and strategically important Chinese region of Hulunbuir. **Goals.** The article aims to explore the transformation of power structures in Hulunbuir, reveal some internal contradictions and the split in bureaucratic circles that occurred under the influence of various political forces between 1908 and 1920. To facilitate this, the work shall examine the structure of the Manchu Eight Banner system in the region, analyze the new policies of Qing authorities in Hulunbuir, trace changes in the public government structure across the region in 1912–1915, follow how (and why) Hulunbuir lost its autonomy in 1920. **Conclusion.** As is shown, the hierarchical structure of Hulunbuir's administrative powers — despite the attempts to change it undertaken by various political forces — did still retain the traditional features of the Manchu Eight Banner system by 1920. At the level of regional authorities, the shaping of policies was largely influenced by internal contradictions between various ethnic groups of Hulunbuir. However, even when it came to join Outer Mongolia in 1912–1915, authorities of Hulunbuir used each and every possibility to maintain independence in external and internal affairs, finances. The dramatic changes of 1917–1919 in the situation — in and around Hulunbuir — triggered that the decision-making apparatus preferred to abolish Hulunbuir's autonomy and turn it into a mere periphery of the Republic of China.

Keywords: Qing Empire, Hulunbuir, administration, fudutong, uprising, Republic of China, autonomy, Outer Mongolia

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00147 ‘Social and Political Organization of Eurasian Territories in the Middle Ages: Historical Experiences of the Golden Horde and Iran, Thirteenth–Fourteenth Centuries’ (<https://rscf.ru/project/22-68-00054/>).

For citation: Tsybenov B. D., Kuras L. V., Tsyrempilova V. E. Institutions of Public Government in Manchu-Mongolian Polities, 1900s–1920s: A Case Study of Hulunbuir. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 718–726. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-718-726

1. Введение

Сложные и противоречивые процессы, проходившие в первой четверти XX в. во Внутренней Азии, характеризовались переформатированием международных отношений, распадом и образованием новых государств, формированием на территории Монголии и Маньчжурии различных государственных образований. Тем самым они оказали существенное влияние на политический ландшафт всего Евразийского континента. В этой связи, на наш взгляд, подробного изучения требуют властные институты Хулун-Буира (Барги), их взаимодействие с правительствами Цинской империи, Китайской Республики и Внешней Монголии, а также процесс конструирования границ региона в 1900–1920 гг. В целом история Хулун-Буира в первой половине XX в. представляется ярким примером развития полиэтнического общества (баргуты, дауры, олеты, буряты, эвенки-солоньки, эвенки-орочоны, русские), чье многовековое административно-территориальное разделение на восемь знамен усугублялось конфликтным взаимодействием различных политических сил.

2. Материалы и методы исследования

Исследователями анализируются и впервые вводятся в научный оборот материалы из ряда дел по изучаемой проблематике, хранящихся в фондах Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Государственного архива Иркутской области (далее — ГА ИО), Центрального архива Федеральной службы безопасности (далее — ЦА ФСБ). Изучены также архивные материалы по истории Барги, содержащиеся в двухтомном труде С. Л. Кузьмина [Кузьмин 2021; Кузьмин 2022]. В написании работы нашли применение некоторые

научные методы. Так, в изучении особенностей института публичной власти Хулун-Буира, его терминологии использован сравнительно-исторический метод. С помощью конкретно-исторического метода выяснены исторические принципы правомерности развития и эволюции фактически независимого Хулун-Буира в 1912–1915 гг. Применение проблемно-хронологического метода позволило изучить историческое развитие региона в его динамике, опираясь на ряд узловых моментов: структура маньчжурской знаменной системы, новая политика Цинской империи, институт публичной власти в Хулун-Буире в 1912–1915 гг., ликвидация автономии региона в 1920 г.

3. Трансформация административного управления Хулун-Буира в 1900–1920 гг.

3.1. Структура маньчжурской восьми знаменной системы в Хулун-Буире

Согласно архивным документам, административное устройство Хулун-Буира (другое название — Барга) было учреждено императорскими указами от 10 и 12 годов правления Юн-Чжен (1733 г. и 1735 г.) и затем определено законом, изложенным в «Уложении палаты внешних сношений» («Лифаньюань цзэ-ли») и аналогичным — в 21 году правления Цзя-Цина (1818 г.). В 1907 г. Лифаньюань был преобразован в Лифаньбу (Министерство колоний). На основании закона можно утверждать, что Хулун-Буир находился в таком отношении к Китаю, как и Внешняя Монголия (Халха) [Кузьмин 2022: 40].

На основе трудов российских и зарубежных исследователей рассмотрим структуру маньчжурской восьмизнаменной системы в регионе. Для начала упорядочим часто встречающиеся в исторических источниках

и литературе обозначения местной администрации и названия должностей. Администрация располагалась в Хайларе и именовалась по-китайски как ямынь фудутуна (Fudutong Yamen). В то же время монголоязычные и тунгусо-маньчжурские группы населения обыкновенно называли его тремя разными именами: 1) *мэйрэн дзангийн ямун* (Meiren Janggi-yin Yamun); 2) *амбан ямун* (Amban Yamun); 3) *сайдын ямун* (Said-un Yamun) [Atwood 2002: 119].

Как свидетельствуют современные информанты — новые баргуты, кочевое монгольское население обычно именовало центральную администрацию как «Амбан ямун», и, соответственно, Хайлар они называли «Амбан-хото» (город амбана) [ПМА 2019].

Таким образом, речь во всех случаях шла об администрации Хулун-Буира. Заметим, что это многообразие терминов зачастую вносило некоторую путаницу и разночтения в позднейшие исследования, в частности, зарубежных (не китайских) историков. Они усугублялись, вероятно, еще и появлением в начале XX в. противоречиями между двумя властными институтами: местной, лишившейся своих полномочий, и китайской, назначенной Цинским двором в период проведения «новой политики».

Глава региональной власти соответственно именовался по-китайски фудутуном, на маньчжурском и монгольском — *мэйрэн-дзанги* или *амбан(-ь)* [Atwood 2002: 119].

Согласно российским архивным данным, амбань являлся главным ухэридой и с 8-го года правления императора Гуансюя назначался непосредственно императором из маньчжуров, солонов, дауров, но не из местных жителей, и никогда — из китайцев, так как Барга имела знаменное устройство. Там же имеется и определение должности «мэйрэн занги» как помощника командира гарнизона [Кузьмин 2021: 21], что, очевидно, следует понимать как соответствие должности «мэйрэн-дзанги» положению заместителя провинциального генерал-губернатора. Таким образом, можно сделать вывод, что глава Хулун-Буира в то же время имел и военные полномочия. Он мог выступить во главе войска. Так, в 1900 г. мэйрэн-дзанги Хулун-Буира Ашинга командовал объединенными силами провинции Хэйлунцзян и Хулун-Буира против войск гене-

рал-майора Н. А. Орлова, наступавших на Хайлар [Кузьмин 2021: 21].

Вторым главным лицом в администрации фудутуна являлся *оролан шуугч* (классич. монг. Orolan Shigúdkhegči), который, очевидно, являлся заместителем главы региона. Ниже рангом находились руководители правого и левого крыла знаменной организации. Глава правого крыла именовался как (классич. монг.) Barayun Tingkim-ün Daruᠢa (кит. You Tingzhang; Zhengtang), лидер левого крыла, соответственно, — (классич. монг.) Jegün Tingkim-ün Daruᠢa (кит. Zuo Tingzhang; Zhengtang). Оба руководителя имели помощников (кит. Futang). Вышеперечисленных должностных лиц уместно называть высшим руководством администрации фудутуна. К административному персоналу относились восемь писарей (по четыре на каждое крыло), четыре монгольских переводчика, четыре маньчжурских переводчика, 12 писарей (кит. dagau; по шесть писарей на каждое крыло), один инструктор по переводам [Atwood 2002: 119]. Под писарями, обозначенными по-китайски как dagau, на наш взгляд, можно понимать широкий круг помощников основных писарей. Очевидно, речь идет о делопроизводителях, ответственных за протоколы, или регистраторах.

В подчинении администрации фудутуна, вернее, руководителей правого и левого крыла, находились 17 хошунов, разделенных на 50 сомонов, которыми управляли 5 ухэрида и 8 ильхида [Мещерский 1920; Кормазов 1928]. При этом в структуре хулун-буирских хошунов заметно выделялся олетский хошун, состоявший из выходцев Западной Монголии (Джунгарии), переселенных цинской властью после войны с ойратским ханом Галдан-Бошукту и восстания Амурсаны. В олетском хошуне не было должности ильхиды, и он делился на два сомона в отличие от всех других, имевших в своем составе по 3 сомона. В конце XIX — начале XX в. население хошуна было смешанным: кроме олетов, были дауры и солонь. Именно ухэрида олетского хошуна в 1912 г. был назначен фудутуном и тем самым возглавил администрацию Хулун-Буира [Мещерский 1920: 6; Кормазов 1928: 14].

3.2. Новая политика цинских властей

Новая политика (кит. xīnzhèng) цинских властей начала претворяться в жизнь в Хулун-Буире с 1901 г. [Atwood 2005: 12]. Она

кардинально изменила институт публичной власти в регионе, затронула и его административно-территориальное деление.

По некоторым данным, примерно в 1905–1906 г. должность хайларского амбана была упразднена, а высшее управление Хулун-Буиром было передано китайскому чиновнику, фудутуну (помощнику военного губернатора), а затем фудутун был заменен даотаем (инструктором по различным отраслям провинциального управления) [Мещерский 1920: 5].

По другим сведениям, упразднение должности заместителя генерал-губернатора Хулун-Буира маньчжурским императором состоялось в июне 1908 г. Регион был преобразован в обычную китайскую административно-территориальную единицу. Была создана новая должность управляющего округом — даоинь (кит. dao-yuan) [Лан 2011: 135].

Вышеотмеченные должности «даотай» и «даоинь» являются в китайском языке разнозначными, обозначают: 1) начальника округа, правителя округа; 2) чиновника, заведовавшего какой-либо отраслью провинциального управления в период Цинской династии. Согласно материалам монгольских исследователей, исполняющим обязанности амбана (монг. орлогч амбан захирагч) был назначен Сун Сяолян [Тахилт 2021: 55].

Была опубликована также так называемая «Инструкция пограничным караулам», по которой баргинцы, исполнявшие караульную службу, сменялись солдатами — выходцами из китайских земледельческих регионов. Это было связано с проведением «новой политики», основной целью которой были массовая колонизация китайцами Хулун-Буира и передача полномочий региональной власти в руки китайских чиновников [Тахилт 2021: 55].

Тем не менее, учредив Хулун-Буирское даотайство, китайцы оставили старые монгольские органы, предоставив монгольским чиновникам их чины и печати, при отстранении их от фактического управления [Кузьмин 2022: 39–40]. Главы хулун-буирских хошунов и сомонов сохранили свои должности, но, в отличие от прежнего полного самоуправления в своих землях, они должны были довольствоваться ролью низших исполнительных органов. Сохранилось и прежнее деление на хошуны.

В конце января 1909 г. китайские власти образовали два новых района Хайлар и Маньчжурию (кит. Man-chou-li, другое название — Lu pin). Их создание преследовало определенную цель — распашку земель [Лан 2011: 135–136]. По другим данным, таких районов было три: 1) область Лу-бин-фу с центром управления около ст. Маньчжурия; 2) приставство Ху-лун-тинь с центром управления в Хайларе; 3) независимый отдел Шивэй-чжи-ли-тинь с центром управления в Кэлари (Цзи-ла-линъ) [Мещерский 1920: 5].

Есть сведения о создании в регионе четырех административно-территориальных единиц [Atwood 2002: 120]. В целом, суть всех этих мероприятий сводилась к замене прежней, по сути военной, знаменной организации Хулун-Буира на обычную гражданскую структуру административно-территориального деления внутреннего Китая. Тем самым высшее руководство региона было заменено китайской гражданской администрацией во главе с даотаем (даоинем). Однако, выделив районы, пригодные для ханьской колонизации, правительство Китайской Республики не рискнуло пойти дальше и провести коренное реформирование военно-административной структуры региона. На местах сохранялась прежняя знаменная организация; деление на крылья, хошуны и сомоны. Лишь местное чиновничество, лишившись власти, изыскивало возможности для возврата к прежней модели внутренней автономии в делах и восстановления в утраченных должностях.

3.3. Институт публичной власти в Хулун-Буире в 1912–1915 г.

Серьезные изменения институт публичной власти в Хулун-Буире претерпел в 1912–1915 г., когда регион объявил о победе национально-освободительного движения и вхождении в состав Внешней Монголии. В рукописи «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира», находящейся на хранении в Государственном архиве Иркутской области (ГА ИО), анонимный автор обрисовал суть неопределенной ситуации, сложившейся с присоединением Хулун-Буира к Внешней Монголии в 1912 г. [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 1].

В ней рассмотрены следующие актуальные вопросы: поездка в Ургу баргутского

ламы Лобсанчжамба и делегации Хулун-Буира; встреча делегатов с российским консулом В. Ф. Любой, его реакция на факт присоединения Хулун-Буира к Внешней Монголии. Интересные сведения даны о новом правителе Хулун-Буира — Шенфу, который назван «бывшим угурдой». Над словом «угурда» сделана ссылка в виде знака «х» и внизу страницы указано, что «угурда — от маньчжурского „ухэрида“ — полковник». Там же отмечено, что Шенфу около 1908 г. был помощником китайского фудутуна (губернатора Хулун-Буира) [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 1; Курас, Цыбенев 2023: 153].

При этом правитель Хулун-Буира Шенфу был возведен в княжеское достоинство 3-й степени бэйлэ [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 2]. Почестей удостоились и делегаты от Хулун-Буира, направленные в Ургу. Несмотря на пышный прием и пожалования Богдо-гэгэном наград и титулов, между администрацией Хулун-Буира и правительством Внешней Монголии появились расхождения во мнениях. Баргинцам не понравилась идея отдельных халхаских чиновников о прямом управлении регионом. Хулун-Буир стал фактически самостоятельным и независимым, местные власти стали проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. В частности они обращались к российским чиновникам министерства иностранных дел для засвидетельствования хранящихся у баргинских властей договоров с русскими подданными на предмет устранения каких-либо недоразумений в будущем [Цыбенев 2022: 131–132].

Большую роль в переменах политического курса Хулун-Буира в 1912–1915 гг. и в последующие годы играли внутренние противоречия между различными этническими группами региона [Цыбенев 2021: 431].

Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи 22 марта 1914 г. в донесении № 10 сообщала, что в администрации фудутуна наметилось разделение на две партии — сторонников соглашения с Китаем и сторонников Урги. К первым принадлежат чиновники-дауры, ко вторым — баргуты и чипчины. Сторонников России не было ни в числе баргутов, ни дауров [Кузьмин 2022: 71]. Из сторонников соглашений с Китаем выделяли Гуй-тун-

лина, командующего войсками в Хулун-Буире, советника амбана Шэна — Урун-путана, только что получившего от Богдо-гэгэна титул гуна, Бан-жинтана, правителя канцелярии цзун-ямыня, Вэн-мина, дипломатического чиновника по сношению с русскими, Фушаня и других во главе с самим Шэнфу. С другой стороны, баргуты и чипчины отмечали, что в соглашениях с Китаем для них окончательное разорение, так как и теперь, при управлении одного Шэнфу, они изнемогают от чрезвычайно усилившихся налогов. По их мнению, если Шэнфу войдет в соглашение с китайцами, то придется платить налоги и этим последним. У более состоятельных баргутов появились мысли о переселении в пределы Внешней Монголии в случае неизбежности присоединения Хулун-Буира к Китайской Республике [Кузьмин 2022: 71].

В то же время росла оппозиция местной знати в лице прогрессивной молодежи, которая не желала, чтобы у руля власти находилась старая, по их понятиям, администрация Хулун-Буира. Так, в 1917 г. Мэрсэ обращался к баргутскому лидеру Дамдинсурэну с просьбой изгнать харчинский отряд из Хайлара и образовать новое региональное правительство [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 2об.–3].

Бесплодные попытки хулун-буирских чиновников урегулировать взаимоотношения с ургинским правительством, по всей видимости, привели к усилению прокитайской ориентации отдельных чиновников. Среди хулун-буирского чиновничества имелись и консерваторы — сторонники восстановления Цинской династии, которые выступали за сохранение традиционной знаменной организации, восстановление льгот и привилегий. Они заявляли, что хотели бы сохранить прежний административный строй, существовавший при цинской династии до 1909 г., чтобы Хулун-Буир управлялся фудутуном, назначаемым ими из местных чиновников, или из маньчжуров, но не из китайцев [Цыбенев 2022: 134].

Ситуация со статусом Хулун-Буира разрешилась в 1915 г., когда вслед за Кяхтинским тройственным договором, 24 октября 1915 г., между Россией и Китайской Республикой было подписано Соглашение о Хулунбуирском округе [Мещерский 1920: 7]. Согласно положениям Соглашения, Хулун-Буир приобретал статус специально-

го округа, непосредственно подчиненного правительству Китая. Фудутун приравнивался к статусу губернатора и назначался декретом президента Китайской Республики. В Управлении округом создавались два отдела: начальник одного из них определялся фудутуном, руководитель другого — министерством внутренних дел Китая. Округ был самостоятелен в финансовых вопросах, поскольку все налоги и сборы направлялись для удовлетворения потребностей округа [Дудин 2020: 19].

Таким образом, в 1912–1915 гг. Хулун-Буир формально входил в состав Внешней Монголии, в то же время сохраняя свое внутреннее самоуправление, знаменную организацию. Недопущение администрации фудутуна к финансовым и другим внутренним делам региона представителей Богдо-гэгэна осложнялось противоречиями среди чиновничества, расколовшегося на две основные группировки — сторонников объединения с Внешней Монголией и восстановления Цинской династии.

3.4. Ликвидация автономии Хулун-Буира в 1920 г.

Возвращение Хулун-Буира в состав Китайской республики было официально подтверждено в 1920 г. [Tsybenov 2021: 86]. Ситуация в то время была непростая, в России шла гражданская война, Внешняя Монголия была захвачена войсками китайского милитариста Сюй Шучжэня, беспокойно было и на забайкальском участке российско-китайской границы. В этих условиях администрация Хулун-Буира, ввиду отсутствия на тот момент других альтернатив, приняла непростое решение. Согласно архивным документам, вице-консул в Хайларе П. К. Усатый сообщал от 13 января 1920 г., что «баргинские представители в Цицикаре подписали телеграфное обращение к китайскому правительству об уничтожении особого положения Барги, выговорив себе право установить новый порядок непосредственными переговорами в Пекине» [АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 401. Л. 4–5].

Он также отметил выезд двух хулун-буирских чиновников в Пекин, с остановкой в Мукдене, где будут проходить предварительные переговоры с Чжан Цзолинем [АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 401. Л. 4–5].

28 января 1920 г. правительство Китайской Республики отреагировало на теле-

графное обращение, издав указ об утрате Хулун-Буиром статуса «особой территории». В заметке, опубликованной в «Правительственном вестнике» (кит. Чжэнь-фу гун-бао) от 29 января 1920 г., говорилось, что после неоднократных совещаний стороны пришли к единогласному решению о необходимости уничтожения особого положения [АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 401. Л. 6–7]. Там же указывалось, что «в прежнее время Хулунбуирский округ составлял нераздельную часть территории Китая, причем находился в ведении властей Хэйлунцзянской провинции. Однако во время выделения его в особую административную единицу никакого улучшения в отношении системы управления пока не последовало; поэтому достижение благотворительных результатов в этом отношении не представляется в настоящее время возможным иначе, как при условии полного подчинения означенного района указаниям центрального правительства» [Кузьмин 2022: 146–147].

В последующем Декрете президента Китайской Республики от 5 февраля 1920 г. приведен список лиц, утверждаемых на высшие должности. Хулун-буирским фудутуном назначался Гуйфу и возводился в княжеское достоинство 4-й степени (бэйцзы). Здесь необходимо отметить, что со времени кончины Шэнфу в 1919 г. он исполнял обязанности главы Хулун-Буира. Один чиновник был возведен в княжеское достоинство 5-й степени (чжэнь-го гун). Трех чиновникам были пожалованы звания князей 6-й степени (фу-го гун). Назначение на должности в Хулун-Буире получили и китайские чиновники: комиссаром по обороне (чжэнь-шоуши) Хулун-Буира был назначен Чжань Куй-ву, главным заведующим делами реорганизационного характера, касающихся Хулун-Буира, — Чжунь Юй [Цыбенев 2022: 143].

По мнению китайских исследователей, создание и ликвидация автономии Хулун-Буира были не столько закономерным результатом развития национально-освободительного движения монголов, сколько результатом конфликтов между Китаем, Внешней Монголией, Россией и Японией [Sun Jing 2018: 102]. Следует отметить, что отмена автономного положения Хулун-Буира вызвала недовольство довольно большой части населения. Почти четыре года, с 1912 г. по 1915 г.,

шел процесс интеграции региона с Внешней Монголией, хотя и были различные препоны со стороны администрации хулун-буирского фудутуна. Тем не менее ряд чиновников получили титулы и должности от Богдо-гэгэна, в свое время проживали в столице — Нийслэл-Хурээ, были хорошо знакомы с политической ситуацией во Внешней Монголии. Они имели большую поддержку населения хулун-буирских хошунов, а также и в администрации фудутуна в Хайларе [Atwood 2002: 121]. Ситуация, однако, складывалась таким образом, что высшее руководство администрации фудутуна, вернее, собственно, фудутун и небольшая группа приближенных к нему чиновников, будучи людьми сугубо практичными и материалистичными, решили выйти из создавшейся ситуации с наименьшими для себя потерями. Ликвидация статуса специального округа для них имела гораздо меньшее значение, чем сохранение своих должностей и получение возможности различных поощрений от Китайской Республики.

4. Заключение

Институт публичной власти в Хулун-Буире на протяжении первой четвер-

ти XX в. структурно претерпел некоторые изменения, в то же время сохранив прежнее административное деление согласно маньчжурской восьмизнаменной системе. Назначение этнического китайца на должность фудутуна Хулун-Буира в 1908 г. явилось одним из серьезных просчетов в проведении цинским правительством «новой политики». Приход к власти в Хулун-Буире главы олетского хошуна и формальное принятие подданства Внешней Монголии в 1912 г. привели к серьезным противоречиям в региональной администрации между сторонниками восстановления Цинской династии и приверженцами объединения с Внешней Монголией и создания единого Монгольского государства. Тем не менее институт публичной власти в Хулун-Буире в 1912–1915 г. можно охарактеризовать как самодостаточный, независимый в проведении внешнеполитических шагов и принятии решений по внутренним вопросам. Превращение Хулун-Буира в особый округ Китайской Республики в 1915 г., не сильно повлиявшее на самостоятельность в вопросах внутренней организации и управления, все же явилось первым шагом на пути к полному китайскому подчинению в 1920 г.

Полевые материалы авторов

ПМА 2019 — Оюунбилиг, баргут, род галзут, 1965 г. р., запись 2019 г., г. Амгаланбаатар, Восточный хошун новых баргутов, городской округ Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
ГА ИО — Государственный архив Иркутской области.
ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ.

Литература

Дудин 2020 — Дудин П. Н. Барга как часть сферы российских стратегических интересов в Восточной Азии в первой четверти XX в.: договорный аспект // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 8. С. 12–25. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.8.33689
Кормазов 1928 — Кормазов В. А. Барга. Экономический очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 281 с.
Кузьмин 2021 — Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной

Author's Field Data

Informant 1: Oyuunbilig, b. 1965, ethnic Barga, clan *Galzut*. Rec. in Amgalang (New Barag Left Banner, Hulunbuir, Inner Mongolia Autonomous Region, People's Republic of China), 2019. (In Mong.)

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
Central Archive of the Federal Security Service of Russia.
State Archive of Irkutsk Oblast.

Азии (первая половина XX века). Т. 1. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2021. 407 с.
Кузьмин 2022 — Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 2. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2022. 260 с.
Курас, Цыбенков 2023 — Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Рукопись из ГАИО «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира» как источник по истории взаимоотношений Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1912–1915 гг. // *Вестник*

- Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 150–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-150-160
- Лан 2011 — *Лан Мэй Хуа*. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө 1911 оны хөдөлгөөн: нэгдсэн Монгол Улс байгуулах эрмэлзэл (= Движение за независимость Монголии в 1911 г.: стремление к созданию единого Монгольского государства). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2011. 210 с.
- Мещерский 1920 — *Мещерский А. С.* Монгольская экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. Владивостокско-Маньчжурский район. Автономная Барга. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг. Вып. XII. Шанхай: Тип. русского книгоизд-ва, 1920. 39 с.
- Тахилт 2021 — *Тахилт Галиндэвийн Мягмарсамбуу*. Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргүүн боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он) (= История и этнография Барги. Первый том. Краткая история Барги (1734–1960 гг.)). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2021. 335 с.
- Цыбенков 2021 — *Цыбенков Б. Д.* Новый источник о взаимоотношениях Хулун-Буира и Внешней Монголии в 1912–1915 годах // Научный диалог. 2021. № 2. С. 422–435. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435.
- Цыбенков 2022 — *Цыбенков Б. Д.* Социально-политическая история дауров (XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2022. 474 с.
- Atwood 2005 — *Atwood C. P.* State service, lineage and locality in Hulun Buir // *East Asian history*. 2005. No. 30. December. Pp. 5–22.
- Atwood 2002 — *Atwood C. P.* Young Mongols and vigilants in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 1168 p.
- Sun Jing 2018 — *Sun Jing*. Study on the Administrative Divisions in China's Border Areas from the Perspective of Nation-state Building — Changes to the Administrative Divisions in Inner Mongolia in the 20th Century // *Asian Social Science*. 2018. No. 6. Vol. 14. Pp. 98–105.
- Tsybenov 2021 — *Tsybenov B.* The Case File of Aula Samdin Fumingtai: A Historical and Biographical Aspect // *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. No. 1. Vol. 20. Pp. 85–112.
- Kuzmin S. L. Barga and Kharachin Issues in East Asian History: Early-to-Mid Twentieth Century. Vol. 2. Moscow: KMK, 2022. 260 p. (In Russ.)
- Lan Mei-Hua. The 1911 Independence Movement in Mongolia: Striving for a United Mongolian State. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2011. 210 p. (In Mong.)
- Meshchersky A. S. Meat Procurement Expedition to Mongol-Inhabited Territories. Vladivostok-Manchuria Region. Barga Autonomy. Activity Report Materials, 1915 to 1918. Vol. 12. Shanghai: Russian Book Publ., 1920. 39 p. (In Russ.)
- Sun Jing. Study on the administrative divisions in China's border areas from the perspective of nation-state building — Changes to the administrative divisions in Inner Mongolia in the 20th century. *Asian Social Science*. 2018. Vol. 14. No. 6. Pp. 98–105. (In Eng.)
- Tsybenov B. D. A new source on the relationship between Hulun Buir and Outer Mongolia in 1912–1915. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 2. Pp. 422–435. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. A Twentieth-Century Sociopolitical History of the Dagu. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2022. 474 p. (In Russ.)
- Tsybenov B. The case file of Aula Samdin (Fumingtai): A historical and biographical aspect. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. Vol. 20. No. 1. Pp. 85–112. (In Eng.)
- Atwood C. P. State service, lineage and locality in Hulun Buir. *East Asian History*. 2005. December. No. 30. Pp. 5–22. (In Eng.)
- Atwood C. P. Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2002. 1168 p. (In Eng.)
- Dudin P. N. Barga as a part of the Russian strategic interests in Eastern Asia in the first quarter of the XX century: Treaty aspect. *Genesis: Historical Research*. 2020. No. 8. Pp. 12–25. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.8.33689. (In Russ.)
- Galindeviin Myagmarsambuу T. History and Ethnography of Barga. Vol. 1: A Concise History of Barga, 1734–1960. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2021. 335 p. (In Mong.)
- Kormazov V. A. Barga: An Economic Essay. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1928. 281 p. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. Manuscript from the State Archives of the Irkutsk region «Historical information about the fragility of the political situation of Hulunbuir» as a source on the history of relations between Outer Mongolia and Hulun-Buir in 1912–1915. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2023. No. 1(23). Pp. 150–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-150-160. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Barga and Kharachin Issues in East Asian History: Early-to-Mid Twentieth Century. Vol. 1. Moscow: KMK, 2021. 407 p. (In Russ.)